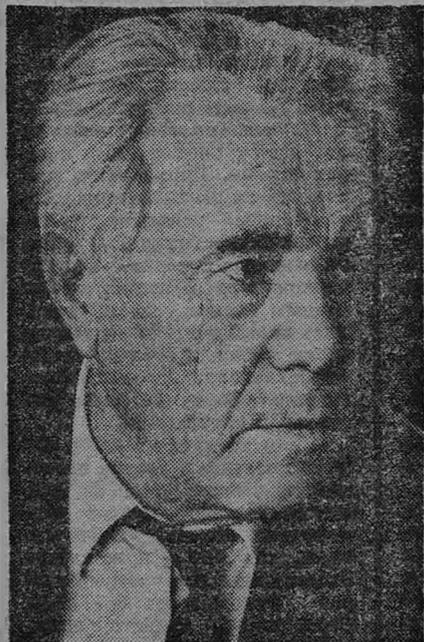

Когда писателю не платят гонораров, он берется за ружье

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Виктор Петрович Астафьев — рыбак с 65-летним стажем. В его родной Овсянке, примостившейся на енисейском берегу у отрогов Саян, называемых местными жителями Дивными горами, только дурной да большой рыбу не промышленляет. Пацаны здесь свой первый улов

приносят домой в четыре-пять лет. Так было и давным-давно, когда нынешний классик под стол пешком ходил, так есть и сейчас. Впрочем, с Виктором Петровичем был особый случай.

— Как-то дядя Иван — старший бабушкин сын — взял меня с собой на рыбалку: не с кем было оставить племяша-шестилетку. Промышляли мы тогда стерлядку и добыли ее изрядно даже по тем, рыбным, временам. И не знаю, почему, но решил дядя Иван, что именно я принес ему удачу. С тех пор и началось. Как мужики — на рыбалку, днем ли, ночью ли, кличут меня: «Витька, собирайся! Ты у нас колдун, с тобой всегда с рыбой будем!». С той самой поры я и пристрастился к рыбной ловле.

На Енисее серьезные рыбаки обычно промышленляют сеткой, а то и самоловами — многометровыми переметами с крупными, острыми крючками без насадки, на которые рыба напарывается. Виктор Петрович не любитель такого промысла — смысл рыбалки видит не в количестве добытой рыбы, а в самом процессе. Всем орудиям лова предпочитает спиннинг и банальную удочку с черемуховым удилищем, а всем рыбам — хариуса, добыча которого требует особого искусства, сноровки и фирменных «хитрушек».

Ловил Виктор Петрович и стерлядку с тайменем, и сига с чиром, и пелядку с муксуном, и омуля с ряпушкой. Есть еще в Енисее хорошая рыба! Но главным своим трофеем до сих пор счита-

ет 9-килограммовую щуку, добытую им на спиннинг на уральской речке Яйве:

— Она меня вместе с лодкой дважды через протоку на буксире протасила. Сомневающимся Виктор Петрович обычно демонстрирует фотографию из семейного альбома, где рыбак Астафьев запечатлен со своей добычей.

В последние два года Виктор Петрович, хоть и живет геплулю половину года в Овсянке, рыбачит нечасто. И дело тут не только в возрасте — в будущем году ему исполнится семьдесят. После того, как Енисей перегородили плотинами Красноярской ГЭС, рыбы в окрестностях краевого центра заметно убавилось. Истинные ценители рыбалки отправлялись «кейфовать» в низовья Енисея. Вот и Виктор Петрович в последние годы предпочитал удить рыбу в районе Игарки, Енисейска, в Эвенкии. Но теперь эти рыбацкие экспедиции из-за взлета цен на авиабилеты (а в этот край далекий, как в песне, только самолетом и можно долететь!) по карману только очень состоятельным людям. Писатель Астафьев к категории толстосумов себя не относит. Некогда солидные писательские гонорары нынче выглядят смехотворными: пару месяцев назад он получил из Москвы за свой том в серии «Классики» аж... девять тысяч рублей!

Существует расхожее мнение, что все сибиряки заядлые охотники. Виктор Астафьев в таком случае среди них белая ворона. Хаживал в лес с ружьишком и он. Правда, не в Сибири а на Урале,

где жил вместе с Марией Семеновной после войны. И не забавы ради, а исключительно для поддержания штанов.

— Жили мы тогда в полуразвалившемся флигельке — восемь подпорок снаружи, девять изнутри — худо: голодно и холодно, — вспоминает Астафьев. — Я, ученик плотника, получал в месяц жалкие 250 рублей. А тут Марьяин крестный подарил мне ружьишко. Охотник я неважный: после войны правый глаз не видит, и стрелять приходилось с левого плеча, а это страшно неудобно, но все же по 8—10 рябчиков домой приносил. Обычно прямо после ночной смены в спецовочке бежал на электричку, отъезжал от Чусового на десять — пятнадцать километров и топал назад пехом, промышляя попутно дичь. Ни тогда, ни после радости от охоты я не получал, хотя супчик из рябчиков уплетал за обе щеки. А с годами охота мне и вовсе разонравилась. То ли дело рыбалка...

Виктор Астафьев-младший, закончивший нынче в Красноярске среднюю школу, дедовой страсти не разделяет. Виктор Петрович брал его с собой на рыбалку аж в Эвенкию, на речку Виви, рассуждая так: будет у парня хороший улов, он и погинет, как говаривала бабушка писателя, на реке Увы...

Зато другой, вологодский внук — Женя, наезжая к деду в гости, целыми днями пропадает на Енисее и редко без 20—30 «хвостов» домой возвращается.

Василий НЕЛЮБИН.